

ОТЗЫВ официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени
кандидата филологических наук Бурцевой Аллы Олеговны
на тему: «Проект советской национальной литературы в 1930-е годы (на
материале туркменских альманахов)»
по специальности 5.9.1 – «Русская литература и литературы народов
Российской Федерации»

Актуальность диссертационного исследования Бурцевой Аллы Олеговны не вызывает сомнений, поскольку последние десятилетия в центре академического внимания, как отечественных гуманитариев, так и европейских, американских славистов, находится природа и структура феномена советской литературы как конгломерата национальных литератур, а также имперской национальной политики СССР в 1930-е гг. Выбранный А.О. Бурцевой ракурс – анализ туркменских альманахов этого времени – вносит существенный вклад в изучение самого понятия «советская литература», в научное описание социокультурных механизмов конструирования национальных литератур и процессов взаимодействия между центром и периферией.

Степень обоснованности научных положений представляется достаточно высокой, так как в них убедительно показано, что центром проекта советской туркменской литературы в 1930-е гг. стало издание альманахов «Айдинг-Гюнлер» и «Туркмения». Совершенно справедливо автор диссертационного исследования считает, что сам феномен альманахов подобного рода стал ощутимым следствием деятельности писательских бригад и демонстрировал взаимодействие между русскоязычными и туркменскими писателями. Обращение к истории альманаха «Туркменистан весной» также следует считать глубоко обоснованным, так как исторические факты, к которым апеллирует Бурцева А.О., позволяют реконструировать

нюансы творческих и деловых отношений между участниками проекта, проследить ту динамику, что намечалась в риторике, складывавшейся вокруг проекта. Заслугой исследователя является и внимательное изучение литературы вопроса, умение найти собственный путь, выявить эволюцию взаимного «учительства» и «ученичества» в магистральном сюжете отношений между русской литературой и литературами Центральной Азии.

На основании п. 3.8 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова можно утверждать, что выводы, сформулированные в диссертации, справедливы, им, безусловно, присуща **научная достоверность**, которая подтверждается апробацией многих положений исследования публикациями и выступлениями на международных профессиональных конференциях. **Цель и задачи** сформулированы соискательницей логично и материал диссертации выстроен соответственно им.

Научная новизна рассматриваемой работы обусловлена тем, что Бурцева А.О. впервые столь подробно и доказательно в сравнительном аспекте предложила системный подход к анализу текстов и структуры альманахов. Важно подчеркнуть, что соискательница опирается на архивные материалы личного и институционального характера, используемые в ряде случаев впервые, и создает новое знание в изучение сложной проблемы. Бурцева Алла Олеговна рассмотрела и скрупулезно прокомментировала материалы писательских поездок. Ей удалось логично обосновать, что туркменские литераторы сохраняли свою самостоятельность, так как перед ними стояла задача сформировать свой национальный канон в рамках советского. Необходимо обратить внимание на то, что собранный Бурцевой А.О. комплекс документов – корпус газетных публикаций, а также материалов личного характера (записных книжек, дневников, эпистолярного наследия писателей), привлекаемых впервые, русскоязычных текстов из альманахов – свидетельствует о том, что конструирование советской туркменской литературы нельзя рассматривать как однонаправленное движение от центра

к периферии. Такой подход, системно продемонстрированный соискательницей, позволяет существенно уточнить, а в чем-то и скорректировать стереотипы в интерпретации проекта многонациональной советской литературы, сложившиеся в советской и постсоветской научной практике. К таким ценным наблюдениям, сделанным Бурцевой А.О., прежде всего относится объяснение устройства альманахов как площадки, на которой рождались горизонтальные коммуникации между литераторами советских республик. Кроме того, Бурцевой Алле Олеговне удалось тонко проследить характер русскоязычных текстов в альманахах, объяснить их место и эволюцию в туркменском проекте.

Бесспорного поощрения заслуживает рассмотрение целостной структуры альманаха как единого коллективного текста. Стоит специально отметить логику и аргументацию, выстроенную Аллой Олеговной. Она показывает иллюзорность подобной целостности; обращение к архивным и газетным источникам, до сих пор находившимся вне исследовательского внимания, позволило автору диссертации детально объяснить организационные формы, задействованные в данной программе, раскрыть рабочие инструменты, режиссуру и реальную драматургию всего туркменского проекта от самых его истоков. Привлеченные и досконально изученные соискательницей переводы из туркменской поэзии XVIII–XIX вв., материалы архивов и переводческих дискуссий на эту тему позволили переосмыслить ряд теоретических положений, связанных с изучением литератур советской периферии и предложить собственные концептуально обоснованные трактовки. К примеру, оправданно выглядит заключение о том, что новая советская туркменская литература рассматривала авторские тексты прошлого как часть своего фундамента. Поэтому бесспорного поощрения заслуживает детально изложенная история переводов туркменской поэзии. Ей посвящен отдельный самостоятельный раздел, скрупулезно проанализированы особенности переводческих стратегий Тарковского, Шенгели и др. Хотелось бы сделать акцент на тех положениях и выводах,

которые оказались наиболее глубокими и удачными. Прежде всего это касается того, что Алла Олеговна, изучив разные версии переводов, применив метод текстологического комментария, сравнив машинописные экземпляры с правкой на туркменском языке, профессионально корректирует устоявшиеся интерпретации, показав, как на самом деле могла выглядеть работа с подстрочником или оригиналом. И еще одно заключение, к которому пришла Алла Олеговна, представляется чрезвычайно важным в данном случае. Речь идет о процессах обращения с фольклорными текстами, которые по мнению соискательницы, не переписываются, а наполняются новым содержанием, получают новое словесное наполнение, фактически адаптированное для сохранения правильного вектора в изображении прошлого. Данная научная работа будет полезна ученым, решившим рассмотреть те или иные межнациональные литературные связи, их генетическую и типологическую природу. Анализ критической рецепции альманахов, проведенный в диссертации, убедительно продемонстрировал траектории становления риторических клише, впоследствии участвовавших в закреплении полярной оценочной шкалы: со знаком «плюс» упоминалось правдивое, национальное, со знаком «минус» – экзотическое, националистическое.

Структура диссертации полностью соответствует **целям и задачам**, поставленным Бурцевой А.О. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и приложений. В первой главе хотелось бы отметить стратегически и тактически правильно сгруппированный материал: история создания альманахов «Айдинг-Гюнлер» и «Туркмения» рассматривается в контексте бригадных писательских поездок, феномен которых всесторонне изучен автором диссертации. Во второй главе, на наш взгляд, убедительно проявлены связи текстов в композиции книг, а также выстроены проекции и отражение публичных заявлений по поводу конструирования туркменской литературы в СССР. Одной из смысловых кульминаций диссертации следует считать третью главу, в которой глубоко и убедительно анализируется связь словесного и визуального ряда в оформлении альманахов, что прежде всего

проявляется в графической стилистике Рувима Мазеля, иллюстрации которого размещены в альманахе «Айдинг-Гюнлер». В четвертой главе Бурцева Алла Олеговна собрала и проанализировала корпус рецензий на альманахи А. Роскина, Ю. Севрука, А. Адалис, Рухи Алиева и др. Этот материал уже сам по себе обладает высокой историко-литературной ценностью и дает важную информацию о том, как конструировалась туркменская литература в 1930-е гг.

Отдельной поддержки заслуживает решение соискательницы включить два приложения к основному тексту. В первом приложении уточнен комментарий Н. В. Корниенко к записным книжкам А. П. Платонова туркменского периода. Во втором приложении представлены иллюстрации. Они способствуют подтверждению тех наблюдений, с которыми так последовательно знакомит соискательница в своей работе.

Следует отметить, что каждая глава настоящего исследования сопровождается развернутыми выводами, помогающими ориентироваться в столь обширном материале.

Как всякое новаторское, глубокое исследование, диссертация, представленная Бурцевой А.О., вызывает размышления и вопросы.

Принимая намерение соискательницы сфокусироваться на нескольких альманахах, эталонных для понимания процессов создания проекта национальной литературы, все же хотелось бы найти объяснение явлений, имеющих отношение к более широкому контексту. На наш взгляд, казалось бы уместным хотя бы минимально коснуться существования такого важного явления как туркменский или туркестанский авангард 1920-1930-х гг. Как известно, сам термин «туркестанский авангард» в научный оборот был введен относительно недавно – после одноименной выставки 2010 г. в московском Музее Востока. Об этом пишут Тигран Мкртычев и Екатерина Ермакова в соответствующей статье из вышедшей несколько лет назад фундаментальной «Энциклопедии русского авангарда», составленной под редакцией Андрея Сарабьянова и Василия Ракитина. В этой же статье говорится о спорности термина: некоторые считают это искусство вторичным в мировом контексте.

На что адепты приводят примеры влияния на туркестанскую культуру европейского модернизма. Местные традиции — где «сама станковая живопись не получила развития» прежде — соединяются с влияниями не только европейского модернизма, но и русского авангарда. «Туркестанский авангард» 1920-1930-х прошел три стадии: формировался во второй половине 1910-х годов, расцветал после революционного 1917-го, угасал — по историческим причинам — в середине 1930-х. В 2017 г. ГМИИ проходила выставка «Сокровища Нукуса». Бурцева А.О. уделяет внимание графическому оформлению альманахов, поэтому расширение исследовательского контекста было бы полезным.

Еще одно контекстное добавление касается культурного и политического проекта — открытия туркменского павильона на Выставке достижений народного хозяйства в 1930-х гг. В сети доступно издание, концентрированно отражающее семантику в визуальном и текстовом формате, социальный, политический и культурный облик туркменского проекта. В путеводителе 1939 г. представлен Павильон «Туркменская ССР» на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

Некоторое недоумение вызывает сужение газетного контекста, к которому обращается соискательница («Правда» и «Литературная газета»). В периодике туркменский проект обсуждался шире и разнообразнее. К примеру, немало материалов посвящено ему в издании «Народное творчество» 1930-х годов, в газете «Советское искусство» регулярно освещалась данная тема в выступлениях М.Б. Храпченко, и.о. председателя Комитета по делам искусств при СНК Союза ССР. Такое уместное расширение контекста позволило бы избежать фокусировки только на выступлениях Сталина и Горького.

В качестве рекомендаций хотелось бы посоветовать обратить внимание на проект ИМЛИ РАН «Стенограмма»: политика и литература. Цифровой архив литературных организаций 1920-1930-х гг.». Этот проект посвящен деятельности РАПП, вышло немало публикаций в последние годы, в том числе

посвященных советской политике в области создания национальных литератур, туркменской в частности.

Наконец, на наш взгляд, осталось почти нереализованным намерение рассмотреть присутствие туркменской темы в рамках советского травелога и приключенческой литературы 1920-1930-х гг., что фиксируется в том числе и в «Книге прощания» Юрия Олеши. Думается, более подробного комментария заслуживают дневники Н.Ф. Новикова второй половины 1920-середины 1930-х гг., а также поэтическая деятельность Адалис 1920-х, в которой знаково присутствие туркменского сюжета.

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.9.1 – «Русская литература и литературы народов Российской Федерации» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Бурцева Алла Олеговна заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1 – «Русская литература и литературы народов Российской Федерации».

Официальный оппонент:

Доктор филологических наук,

Профессор школы филологических наук

факультета гуманитарных наук

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Пенская Елена Наумовна

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:

10.01.01.– «Русская литература»

Адрес места работы:

101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Тел.:+74957729590; e-mail: lpenskaya@hse.ru

Подпись сотрудника Федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования «Национальный
исследовательский университет «Высшая школа экономики» Е.Н. Пенской
удостоверяю: